

Глава 5. Древнее Двуречье: возникновение первых государств

Представленная в предыдущих главах социологическая модель не может, разумеется, считаться универсальной. Это скорее своего рода путеводитель, позволяющий разобраться в хитросплетении тех многочисленных дорог, которые вели человечество от ранних социальных структур к развитым, от локальной группы и общины к государству, от эгалитаризма к иерархии. Реальная действительность человеческой истории многообразна. Но что характерно: при всем ее неохватном многообразии – от древнего Двуречья до современной Океании, от высоких культур Индии и Китая до весьма недавно вступивших на путь цивилизации африканских народов – генеральные закономерности эволюции примерно одинаковы, они и берутся за основу при изложении различных материалов из истории стран и народов Востока.

Здесь стоит с самого начала сделать одну весьма существенную оговорку, значение которой будет становиться все очевиднее по мере более детального знакомства с материалом. Дело в том, что структурные формы, типологическое сходство которых берется за основу, суть лишь скелет того или иного общества. Конкретный же облик и тем более живой дух его зависят главным образом от его цивилизационных и религиозно-культурных параметров. Что же касается этих последних, то о них следует сказать в первую очередь самое главное: при всем своем несхождении и даже порой весьма заметном принципиальном противостоянии друг другу все они в чем-то опять-таки близки между собой. Эта близость, равно как и кардинальное отличие их от европейской антично-христианской традиции-цивилизации, в том, что они появились на свет и были призваны обрамлять отличные от европейской неевропейские структуры. Иными словами, системы идей и институтов во всех неевропейских традициях-цивилизациях, от дальневосточной до американской доколумбовой, различались весьма заметно, но притом разительно сходились в одном и основном: все они обслуживали структуры, где частнособственнические отношения не были главными и где поэтому не существовало всего того, что способствовало бы их быстрому и эффективному развитию, как то имело место в Европе.

Это не значит, что ни в одной из них изначально не было элементов, которые при иных обстоятельствах вели бы к иным результатам. Напротив, такое бывало и даже сыграло свою роль (феномен Финикии) в формировании античной структуры. Но эти элементы со временем отмерли, уступив место иным, целиком сориентированным на обслуживание командно-административной структуры в той или иной ее модификации в рамках данной неевропейской традиции-цивилизации. Можно добавить к сказанному, что процесс сложения системы идей и институтов в рамках каждой традиции-цивилизации шел весьма медленно, особенно на раннем этапе развития государств.

Первые камни в фундамент мировой урбанистической цивилизации были заложены на древнем Ближнем Востоке, в долине нескольких великих плодородных рек. Примерно в VIII–VI тысячелетиях до н. э. земледельцы ближневосточных предгорий, уже освоившие достижения неолитической революции и с каждым поколением все увеличивавшиеся в числе, стали спускаться в равнины и активно заселять плодородные долины рек, в

первую очередь Тигра и Евфрата. Междуречье и берега этих рек, именуемые общим термином Двуречье, а также соседние районы (Загрос, Анатолия, Палестина) ныне хорошо изучены специалистами. Раскопанные археологами поселения (Джармо, Хассуна, Тель-Халаф и др.) свидетельствуют, что их обитатели жили в глинобитных домах, сеяли ячмень, пшеницу и лен, разводили коз, овец и коров, были знакомы с ранними формами ирригационного хозяйства (осушение болотистых земель с помощью каналов, возведение дамб и т. п.), изготавливали различные керамические сосуды (наиболее ранние из них не были знакомы с керамикой), изделия из камня, позже – даже из меди. По мере продвижения земледельцев к югу, где удобряемые разливами рек почвы были особенно плодородны, поселения становились богаче и крупнее. Культура Убайд (конец V тысячелетия до н. э.) представлена уже поселками до Юга, в центре которых размещались крупные храмовые комплексы на высоких земляных платформах, окруженные городскими стенами – явственный признак ранней урбанизации. Раскопки этих поселений свидетельствуют о многочисленном населении, развитии ремесле, включая знакомство с гончарным кругом, металлургией, ткачеством, принципами архитектуры и монументального строительства.

Культуру Убайд принято считать протошумерской. Как известно, на рубеже V–IV тысячелетий до н. э. на территории Южного Двуречья появляются шумеры, с именем и деятельностью которых связывается возникновение древнейшего мирового очага цивилизации и государственности. Загадка шумеров до сих пор не разгадана. Их собственные легенды указывают на юг (приморские районы Персидского залива) в качестве прародины; специалисты видят ее то на востоке, то на севере. Ясно одно: шумерский язык значительно отличался от группы семитских языков, распространенных среди большинства древних обитателей ближневосточной зоны. Похоже на то, что пришельцы-шумеры, появившись в зоне обитания насельников культуры Убайд, быстро и энергично заимствовали все достижения их культуры и, возможно, сыграли важную роль внешнего толчка в ускорении поступательного ее развития – теперь уже на их, шумерской, этнической основе.

Протогосударства древнего Шумера **Ранние государства Месопотамии** **Вавилония** **Законы Хаммурапи**

Протогосударства древнего Шумера

Примерно с середины IV тысячелетия до н. э. в Южном Двуречье появляются первые надобщинные политические структуры в форме городов-государств. Примером их служит Урук, с культурой и социальной структурой которого можно ознакомиться как на основе данных археологии, так и на базе древнейших памятников шумерской

пиктографической письменности (начертанные на глиняных табличках документы хозяйственной отчетности).

Источники свидетельствуют, что система администрации в Уруке была тесно связана с культом бога неба Ана, выступавшего, видимо, в функции связующего единства коллектива. Храм в честь Ана был общественным и хозяйственным центром Урука, а жрецы храма исполняли функции управителей во главе с верховным жрецом, главой протогосударства. Археологические слои, датируемые рубежом IV–III тысячелетий до н. э. (Урук, Джемдет-Наср), свидетельствуют, что ранние протогосударства Двуречья были знакомы с достаточно сложным ирригационным хозяйством, которое поддерживалось в рабочем состоянии усилиями всего населения во главе с жрецами. Храм, выстроенный из обожженного кирпича, был не только крупнейшей постройкой и монументальным центром, но одновременно и общественным складом, и амбаром, где размещались все запасы, все общественное достояние коллектива, в который уже включалось и некоторое количество пленных иноземцев, использовавшихся для обслуживания текущих нужд храма. Храм был также центром ремесленного производства, включая и металлургию бронзы.

Жрецы-администраторы, ремесленники, хранители храмового имущества, писцы, слуги и даже рабы из числа пленников – все они жили за счет избыточного продукта общинников, но при этом каждый из них вносил свою долю в совокупный общественный труд и продукт коллектива в целом. Реципрокный обмен продуктами и деятельностью, равно как и централизованная редистрибуция коллективного избыточного продукта и труда (включая продукт ремесленников, труд администраторов и обслуживающего персонала) лежали в основе нормального существования ранних протогосударств Шумера. Собственно, именно для строгого учета и регулирования все усложнявшихся норм и форм взаимоотношений и велась детальная хозяйственная отчетность, вызвавшая к жизни письменные документы, этот важный элемент складывавшегося древнейшего очага мировой цивилизации.

Протогосударства древнего Двуречья развивались быстро и энергично. Росло количество населения и совершенствовались трудовые навыки, обогащалась культура труда, следствием чего было увеличение количества освоенных и обеспеченных ирригационными устройствами полей. Резко возрастали запасы получаемого с этих полей зерна, причем избыток его после удовлетворения текущих нужд оторванных от производства пищи работников все чаще использовался в качестве своего рода валюты: специальные служители храмов, тамкары, отправлялись на груженых зерном судах в далекие экспедиции, включая и морские, с целью выменять зерно на столь необходимые в скудных полезных ископаемых районах Южного Двуречья металлы, камень, строительный лес и т. п. Эти дорогие предметы далекого импорта использовались как для нужд производства, так и в сфере постепенно увеличивавшегося престижного потребления верхов, включая строительство храмов и домов-дворцов, изготовление украшений, изысканной одежды.

С ростом протогосударств усложнялась и их внутренняя структура. Если вначале храм был центром хозяйства и разросшейся общины либо группы соседних общин, каждая из которых в лице своих представителей принимала участие в обработке земли храма, продукт с которой шел на сакральные (совместные всеобщинные ритуалы с обильным жертвоприношением) и страховые нужды коллектива и на содержание немногочисленной еще группы оторванных от производства пищи людей, то теперь

ситуация изменилась. Видимо, уже со второй трети III тысячелетия до н. э. в большинстве протогосударств (Урук, Киш, Ур, Лагаш и др.) население исчислялось десятками тысяч, а количество общинных деревень – многими десятками. Практически это значило, что избыточный труд и продукт общинников – даже при условии значительного роста храмовых земель и храмового хозяйства – уже не мог быть реализован с достаточной полнотой и эффективностью вне самих общинных полей и поселений, которые могли отстоять от храма на десятки километров. Поэтому происходило отделение общинных полей от полей храма. Общинники обрабатывали свои земли и выплачивали ренту-налог, тогда как в обработке храмовой земли они переставали принимать участие, что, впрочем, не исключало их участия в общественных работах, на строительстве каналов, дамб, храмовых или дворцовых сооружений, дорог и т. п. с обеспечением их питанием и выдачей необходимых орудий труда из храмовых амбаров и складов.

Наиболее наглядно это видно на примере структуры храмовых земель храма богини Бау (Бабы) в Лагаше в XXV–XXIV вв. до н. э., когда это протогосударство завоевало и подчинило себе ряд соседних и в его состав было включено несколько храмовых комплексов – к слову, храм Бау не был единственным и в самом Лагаше; главным там в то время был храм бога Нингирсу (Нин-Нгарсу, супруга Бау), верховный жрец которого выступал в качестве правителя-энси. Обычные общинники при обработке земли храма Бау практически не использовались. Вся земля храма была поделена на три части. Первая по-прежнему оставалась храмовой; ее обрабатывал персонал храма из числа бывших иноплеменников и иных стоявших вне общин лиц, а урожай предназначался для сакральных нужд, торгового обмена, страховых и экстраординарных выдач. Вторая в виде служебных наделов раздавалась рабочему персоналу и служащим храма, включая ремесленников, – в качестве платы за их труд. Наконец, третья часть в форме наделов предназначалась для передачи их любому желающему и нуждающемуся в качестве аренды с весьма умеренной арендной платой (1/6 – 1/8 урожая).

Отделение храмового хозяйства от общинного и превращение его в особую сферу экономики, в государственное хозяйство, сыграло важную роль в укреплении экономических, а затем и политических позиций жреческой администрации во главе с энси. Опираясь на такого рода хозяйства, энси все определеннее отдалялся от коллектива общинников, приобретал в их глазах сакральные признаки отмеченного покровительством богов правителя и в качестве верховного связующего единства становился во главе заметно возматившего бюрократического аппарата, оказывался высшим и основным субъектом власти-собственности и централизованной редистрибуции. Вначале выборная, должность энси со временем все очевиднее приобретала тенденцию превратиться в наследственную, что и стало нормой после объединения всего Шумера Саргоном Аккадским в XXIV в. до н. э.

Период шумерской истории до этого объединения принято именовать раннединастическим. Это была эпоха ожесточенной борьбы соседних протогосударств за политическую гегемонию, а их правителей – за усиление и укрепление своей власти, расширение и распространение ее за счет соседей. Войско каждого из таких протогосударств обычно состояло из небольшого отряда тяжеловооруженных воинов; вспомогательной силой были примитивные колесницы на сплошных колесах, запряженные, видимо, онаграми либо ослами и приспособленные для метания дротиков.

Вначале, в XXVIII–XXVII вв. до н. э., успех был на стороне Киша, правители которого первыми приняли титул лугалья, стремясь тем самым подчеркнуть свое первенство среди остальных. Затем возвысился Урук, имя правителя которого, Гильгамеша, впоследствии вошло в легенду и оказалось в центре шумерского эпоса. Урук при Гильгамеше подчинил себе, хотя и еще очень непрочо, ряд соседей – Лагаш, Ниппур и др. В XXV в. верховенства и титула лугалья добились правители Ура, чьи царские гробницы, раскопанные английским археологом Л. Вулли, были наполнены богатыми украшениями, драгоценностями, повозками и десятками сопогребенных, призванных сопровождать на тот свет повелителя. На рубеже XXV–XXIV вв. на авансцену шумерской истории вышел Лагаш.

Сначала его правитель Эанатум присоединил ряд соседних центров – Киш, Урук, Ларсу и др., что привело к усилению его военного и политического могущества. При Лугальанде политика дальнейшей централизации власти и связанных с этим злоупотреблений вызвала резкое недовольство населения. В результате восстания – едва ли не первого из зафиксированных историей – Лугальанда был низложен, а к власти пришел Уруинимгина, проводивший ряд реформ, суть которых сводилась к восстановлению нарушенной нормы, отмене либо уменьшению поборов с населения, увеличению выдач работникам храма. Видимо, эти вынужденные реформы содействовали ослаблению централизованной администрации Лагаша, что вскоре и привело к завоеванию его удачливым правителем Уммы Лугальзагеси, создавшим объединенное Шумерское государство, правда, просуществовавшее очень недолго.

Ранние государства Месопотамии

Середина III тысячелетия до н. э. была отмечена энергичным заселением Двуречья скотоводческими семитскими племенами, и до того в немалом количестве проникавшими в Шумер. Их поселения на севере стали активно заимствовать достижения шумерской цивилизации, сближаясь с ней по уровню развития (впрочем, аналогичный процесс шел, видимо, и в соседнем с Шумером Эламе, расположенном к востоку от него). Представителем и выразителем активной наступательной политики семитских племен стал в конце XXIV в. Саргон (Саргон Древний, или Аккадский). По преданию, он был незаконнорожденным младенцем, выловленным в корзине в реке и воспитанным чужими

людьми. Поступив на службу к правителю Киша, Саргон быстро выдвинулся, а после гибели Киша выкроил себе собственное государство и стал успешно воевать с соседями. Затем Саргон провозгласил себя лугалем выстроенного им на севере Шумера нового города Аккада.

Вступив в длительную войну с Лугальзагеси, Саргон успешно довел ее до конца, объединил под своей властью Шумер и Аккад и стал правителем большого государства, состоявшего из многих десятков региональных подразделений, бывших городов-государств. В успехах Саргона большую роль сыграла созданная им армия: едва ли не впервые в истории в руках именно этого завоевателя оказалась крупная боевая сила профессиональных воинов (5400 человек), каждый из которых за свою службу получал надел и жил за счет дохода от него. Неудивительно, что после создания единого государства Саргон сумел подчинить себе соседний Элам и совершил ряд успешных походов на север и северо-запад.

Возникновение крупного централизованного государства привело к концентрации в руках его правителя всей полноты власти. Храмы с их жрецами, хозяйством и обслуживающим персоналом, равно как и возникавшие параллельно с ними и во многом на основе той же модели царские хозяйства, за счет которых выделялись наделы воинам и иным служащим, были основой экономического могущества центра.

Рента-налог с общинников, дань с покоренных соседей и повинности населения были основой нормального функционирования структуры в целом. При этом усиление роли государственного хозяйства и приток дани извне объективно способствовали росту престижного потребления верхов, следствием чего стал заметный процесс приватизации. Вначале он выявлялся на уровне верхов и реализовывался в форме индивидуального накопления имущества – как в результате войн, так и в ходе обменных операций тамкаров. Важную роль играл при этом приток пленных иноплеменников, превращаемых в рабов, чей труд использовался практически почти бесплатно.

Государство Саргона просуществовало недолго. Уже при его сыновьях и внуке Нарамсине, успешно продолжавших его политику, стали заметны признаки упадка: региональный сепаратизм и недовольство покоренных давали себя знать, все чаще приходилось подавлять восстания. Нарамсин (Нарам-Суэн) принял ряд мер, укреплявших администрацию центра; он велел даже официально именовать себя богом, а прежних наследственных энси заменил назначаемыми чиновниками. Но уже при его сыне пришедшее в упадок Аккадское государство пало под натиском появившихся с территории Ирана племен кутиев (гутеев), которые стали управлять завоеванной ими Месопотамией с помощью назначавшихся ими из числа прежних региональных правителей-энси наместников. В руках некоторых из них оказалась немалая власть. Так, заметно выделялся среди других энси Гудеа в Лагаше, откупавшийся от кутиев данью и сосредоточивший в своих руках власть почти над всей Южной Месопотамией.

Правление Гудеа отличалось, в частности, размахом ирригационного и храмового строительства и значительным развитием торговых связей с различными районами Ближнего Востока, вплоть до Индии.

На рубеже XXII–XXI вв. власть кутиев пала, и во главе нового “царства Шумера и Аккада” стали представители очередной, третьей, династии Ура. Вновь вступило в полосу расцвета царско-храмовое хозяйство, была проведена работа по унификации мер и весов, что в немалой степени способствовало ускорению процесса приватизации. Все большее количество людей оказывалось вне общины и вынуждено было продавать

свой труд в качестве батраков-наемников либо обрабатывать чужие наделы (воинов, храмовых служащих, иных должностных лиц, включая и правителей) на правах аренды. В качестве всеобщего эквивалента начали использовать серебро, весовая мера которого – сикль (ок. 8 г) – стала единицей денежного измерения. Развивались товарно-денежные отношения, сфера распространения которых уже не ограничивалась престижным потреблением верхов, но все заметней затрагивала ремесло, даже недра крестьянской общины.

Главы общинно-клановых групп (“домашних общин”), распорядившись коллективным имуществом группы, подчас уже включавшей в себя не только ближайших родственников, но также и чужаков, рабов-слуг, получили возможность приобретать товары, накапливать и реализовывать продукты труда домохозяев. В общине стало все более заметным имущественное расслоение, деление на богатых и бедных, что вело к экономическому противостоянию: неимущие нуждались в кредите, имущие становились ростовщиками. Не имея возможности вернуть долг, бедняки всеми правдами и неправдами (продажа земли официально еще не была разрешена) стремились отдать вместо него землю, которую богатые с удовольствием брали. В общине появлялись безземельные. Часть их уходила в сферу царско-храмового хозяйства, другие при нужде продавали себя в кабалу – появлялось долговое рабство.

Все эти процессы, активно проявившие себя в годы правления третьей династии Ура, вызвали сильное и вполне оправданное беспокойство централизованной администрации, которая достаточно хорошо осознавала, что их дальнейшее развитие может привести к разложению общины, уменьшению налогоплательщиков, росту численности нищих и бедных и тяжелым грузом ляжет на казну. Поэтому, начиная с наиболее ранних установлений, дошедших до нас как раз от эпохи третьей династии Ура (законы Ур-Намму, законы из Эшнунны), администрация озабочена тем, чтобы ограничить богатеющего собственника, не дать ему в обиду разорившихся, строго определить цену наемного труда, размер ростовщического процента, условия содержания частного раба и т. п. И хотя законы при этом охраняли право собственности на имущество, включая и рабов, они же отстаивали право обиженного либо пострадавшего на соответствующую материальную компенсацию. В целом же нельзя не заметить, что главное содержание правовой нормы сводилось к поддержанию статуса основного населения. Пусть раб из числа иноплеменников был лишен многих прав и подчас наказывался по весьма строгой норме (хотя и ему не воспрещалось иметь семью и даже имущество), это не должно было относиться к рабам-должникам из числа соплеменников. Их нельзя было продавать за пределы страны, и они чаще всего приравнивались по положению к младшим членам семьи.

Правители третьей династии Ура, начиная с сына основателя династии Ур-Намму, Шульги, официально именовали себя богами, причем их реальный статус действительно был близок к положению обожествленного монарха. Власть правителя была в высокой степени централизована; региональные подразделения, бывшие протогосударства (города-государства), управлялись назначаемыми из центра наместниками, которые по традиции именовались энси. Подобно Саргону и Саргонидам, правители Ура имели хорошо организованную профессиональную армию, причем часть ее составляли наемники из числа воинственных кочевников-амореев. Наряду с армией возникли уже и иные элементы принуждения, в частности суд, для нужд которого и был разработан судебник Ур-Намму. Необходимо подчеркнуть, что приток пленных иноплеменников и

разорение общинников вследствие процесса приватизации были одной из важных причин расцвета царско-храмового хозяйства в его невиданной прежде форме псевдолатифундий, обрабатывавшихся организованными в рабочие отряды зависимыми земледельцами, гурушами (“молодцами”) и нгеме (гим; рабынями). Это не только способствовало укреплению позиций централизованной администрации, но и вызвало к жизни море должностной отчетности: примерно половина всех дошедших до нас клинописных табличек (около 100 тыс.) касается государственного хозяйства третьей династии Ура. Можно считать, что “царство Шумера и Аккада” конца III тысячелетия до н. э. было своего рода апогеем торжества структуры, порожденной абсолютным господством власти-собственности и централизованной редистрибуции. Едва ли не большая часть населения страны, оказавшаяся в силу разных причин выбитой из привычной жизни сельских общин, заняла место тружеников-поденщиков в гигантской системе царско-храмовых псевдолатифундий, где труд и быт были построены по нормам казарменного коммунизма.

Абсолютное господство такой структуры на этом, впрочем, и кончилось, ибо рядом с государственной возникла иная форма хозяйства, основанная на частной собственности, появление и упрочение которой знаменовали серьезную трансформацию экономики общества. Кризис государственного хозяйства (коммунистической казармы) и укрепление частного сектора в Двуречье вызвали постепенное ослабление централизованной власти, усугублению которого способствовали нашествие воинственных пастухов-амореев, а затем также и эламитов. Третья династия Ура на этом прекратила свое существование.

Вавилония

Вызванный серьезными экономическими процессами, прежде всего приватизацией, социальный кризис сопровождался заметным ослаблением политической власти и децентрализацией, под знаком которой прошли два века. Это было время ожесточенной борьбы соперничавших друг с другом государств и династий различного происхождения – аморейских, эламитских и собственно месопотамских, среди которых на рубеже XIX–XVIII вв. до н. э. стала выделяться Вавилония. Новый центр Двуречья Вавилон, со временем превратившийся в величайший город мира, стал возвышаться с начала

правления шестого представителя вавилонской династии, Хаммурапи (1792–1750 гг. до н. э.). За долгие годы успешного правления Хаммурапи сумел поочередно разгромить соседей-соперников, объединив под своей властью всю Месопотамию.

Заново на развалинах далекого прошлого правитель Вавилонии создал могущественное и процветающее централизованное государство. И хотя оно просуществовало не слишком долго и уже при преемниках Хаммурапи появилась тенденция к некоторому упадку, следствием чего были вторжения эламитов, а затем и завоевавших Вавилонию в XVI в. касситов, именно Вавилонию царя Хаммурапи можно считать первым в Западной Азии развитым государством в полной смысле этого слова. Речь идет не о централизованной эффективной администрации на большой территории – это было в Двуречье со времен Саргона Аккадского. Суть в ином: вавилонское государство уже представляло собой ту сложную структуру, которая в дальнейшем была характерна (в многочисленных вариантах) для всех достаточно развитых обществ традиционного Востока, да и не только Востока.

В государстве Хаммурапи свойственные ранним структурам клановые и родственные связи уже были заметно оттеснены связями административно-территориальными, а вассально-иерархическая пирамида власти превратилась в централизованный бюрократический аппарат, эффективно действовавший через своих чиновников. Соответственно укрепился и институционализировался влиятельный и достаточно многочисленный слой специалистов-профессионалов, занятых в сфере управления и примыкающих к ней сферах обслуживания, – администраторы, воины, ремесленники, торговцы, слуги и др. Возник и весьма многочисленный слой неполноправных выходцев из числа пленных иноплеменников или потомков разорившихся полноправных общинников. И хотя между первым и вторым отмеченными здесь слоями была существенная разница в социальном положении, имущественном цензе и образе жизни (эта разница отражалась в документах, терминологии – неполноправные работники обозначались особым сводным термином мушкенум), общим между ними было то, что все они считались и именовались царскими людьми, т. е. людьми, непосредственно занятыми в системе администрации или причастными к ней, обслуживавшими ее. Именно в этом плане все царские люди обоих слоев-категорий противопоставлялись остальному населению, т. е. земледельцам-общинникам, права и статус которых были объектом внимания и заботы со стороны правящих верхов.

Государство Хаммурапи обладало монополией силы, твердо опираясь на фиксированный закон и связанные с ним формы принуждения. Выдвижение на передний план кодифицированного законодательства с достаточно строгой системой наказаний было связано с тем, что развитие частнособственнических отношений, товарно-денежных связей и особенно ростовщичества с его внушительными процентами (20–30% годовых) вело к быстрому разорению общинников и обогащению за их счет частных собственников.

Как известно, частное предпринимательство обладает само по себе огромными потенциями; его внутренняя сила – если ей не поставить преград – способна за короткий срок кардинально изменить облик общественных отношений, всю структуру общества, как то было наглядно продемонстрировано несколько позже античной Грецией. В Вавилонии Хаммурапи потенции частного сектора уже давали о себе знать с достаточной очевидностью. На фоне этих возможностей централизованной администрации стало ясно, что прежние псевдолатифундистские методы хозяйства на

царско-храмовых землях экономически неэффективны, что они изжили себя. На смену этим методам пришла практика раздачи царско-храмовых земель (они, по некоторым подсчетам, составляли до 30–40% пашни) в виде должностных наделов царским людям первой категории – это была форма их жалованья – и в виде неотчуждаемых обязательных наделов царским людям второй категории, выплачивавшим за пользование этим наделом долю урожая в казну. При этом наделы царских людей первой категории, как и наделы родовитых сановников и жрецов, включая и поля правителя, обычно обрабатывались примерно на тех же началах обязательной аренды, что и остальные земли храмов (обязательные наделы), хотя в этом случае в качестве арендаторов могли выступать как зависимые царские люди второй категории, так и полноправные общинники.

Особо следует сказать о полноправных общинниках. Этот слой в Месопотамии всегда преобладал. И хотя не всегда общинники были в одинаковом правовом и социально-экономическом положении, важно подчеркнуть, что различия обычно касались потенциальных возможностей, но не реального их статуса, как раз определявшего место этого слоя в обществе. В частности, применительно к Вавилонии Хаммурапи необходимо заметить, что хотя формально процесс приватизации охватывал все земли и всех людей, кроме царско-храмовых земель и связанных с ними царских людей, фактически ситуация была много сложнее. Не следует представлять дело таким образом, что, коль скоро товарно-денежные отношения вторглись в недра крестьянской общины, она была тем самым уже заведомо обречена на быстрое превращение в коллектив частных собственников, строящий свои взаимоотношения на основах товарного хозяйства и рыночных связей, что не могло бы не привести к быстрому разложению общины.

В отличие от античности на Востоке не было условий для такого развития. Напротив, были мощные силы, действовавшие в ином направлении. Централизованная власть, которая здесь была нормой, диктовала свои условия развития. Применительно к общинной деревне это означало, что государство принимало энергичные меры для предотвращения деструктивного процесса гибели традиционной общины. Вот почему, хотя некоторое количество беднейших общинников, несмотря на все ухищрения противодействовавших этому властей, все-таки разорялось и продавало свои земли соседям, этот процесс обычно ограничивался лишь небольшой частью общины и был к тому же обратимым. В результате подавляющее большинство общинников, пусть с трудом сводя концы с концами, продолжало вести свое по преимуществу натуральное хозяйство, и это было нормой, переходящей из поколения в поколение. Отсюда и результат: сфера действия нового частнособственнического сектора в пределах социально-экономической структуры в целом была не столь значительна, чтобы поколебать и тем более преобразовать по своему образу и подобию всю структуру.

Не сумев этого добиться, частнособственнический сектор достаточно гармонично и непротиворечиво вписался в издавна существовавшую систему отношений, приведя ее к некоторой модификации. Суть модификации сводилась к тому, что государство, опираясь на древнюю основу – неотчуждаемые коллективные общинные и царско-храмовые земли, – допускало существование частнособственнического сектора в виде включенного в товарооборот небольшого куска земель, наемного труда, частной аренды, ростовщичества, долгового рабства и вообще системы товарно-денежных отношений. Все это было необходимо для нормального функционирования большого

развитого социального организма. Но при всем том государство достаточно жестко ограничивало и контролировало реальные возможности, сферу влияния и вообще потенции частного сектора.

Законы Хаммурапи

Именно эта политика и нашла свое отражение в знаменитых законах Хаммурапи – первого в истории достаточно полного и многостороннего свода правовых норм и административных регламентов, сложившихся на основе более ранних законов и весьма четко определявших права и обязанности населения, в частности ограничивавших сделки частнособственнического характера. Законы, начертанные на каменном обелиске, состояли из краткого введения, заключения и 282 статей (в самом тексте нумерации статей нет), в которых нашли отражение различные и в большинстве, видимо, опиравшиеся на прецеденты судебные казусы, а также многие реальные формы взаимоотношений, анализ которых дает представление о вавилонском обществе XVIII в. до н. э.

В судебнике не выделены четко не только статьи, но и разделы. Однако специалисты вычленяют несколько групп параграфов, посвященных разным вопросам: общим принципам отправления правосудия; охране собственности царя, храмов и населения; статусу имущества, полученного от царя за службу; операциям с недвижимостью и торговле; семейному праву; наказаниям за телесные повреждения; операциям с движимым имуществом. Статьи о семейном праве, например, свидетельствуют о господстве моногамной семьи с заключением брачного контракта, в котором оговаривались права обеих сторон. Право на семью имели все, включая рабов, дети которых при этом считались полноправными. На развод имели право обе стороны, но за неверность жена наказывалась строже. Приданое жены принадлежало ее детям, которые делили между собой наследство после смерти родителей.

В судебнике выделяются три группы людей по их правоспособности: полноправные, мушкенум и рабы. Каждая из них по-разному отвечала за те или иные проступки. Так, за ущерб, нанесенный какому-либо мушкенуму, штраф был меньше, чем за ущерб полноправному. Что же касается раба, то он “стоил” еще дешевле, а за правонарушения, совершенные им, применялись наиболее строгие меры и жестокие наказания. Вообще

рабы, если иметь в виду частных, считались собственностью хозяев – беглых ловили, укрывателей наказывали. Но при всем том раб имел и определенные права – на семью, хозяйство, имущество. Что касается мушкенумов, то это были, как упоминалось, зависимые царские люди, которые могли иметь хозяйство, нередко рабов, а подчас и должность, и достаточно высокий административный статус.

Группа статей, касающихся собственности, – едва ли не самая большая в судебнике. Признавая собственность как институт (воры и укрыватели либо покупатели краденого наказывались), законы вместе с тем основную свою цель видели в ее регулировании и ограничении. Прежде всего они строго запрещали отчуждение в любой форме пожалованных царем наделов, особенно наделов воинов. Статьи обстоятельно регламентировали условия найма и размер платы за наемный труд; скрупулезно рассматривались все случаи аренды и норма арендной платы, условия залога имущества.

Наибольшее внимания заслуживают те из статей, которые касались условий кредита и ростовщичества. Все они были направлены на ограничение произвола заимодавцев и стремились дать должнику максимальные шансы. При неурожае его долг откладывался. Если за долг человек был вынужден отдать в долговое рабство кого-либо из своей семьи, кредитор нес ответственность за приобретенного таким образом раба-должника: в случае, если от дурного обращения последний умирал, кредитор наказывался. В любом случае срок долгового рабства не должен был превышать трех лет – после этого срока должник освобождался, а долг считался погашенным. Был установлен и размер долгового процента – он не должен был превышать 20% при денежном и 30% при натуральном займе.

Наказания за серьезные преступления были суровыми, часто преступник карался смертью. Основной принцип назначения наказаний – талион, т. е. воздаяние по принципу “око за око”, “руку за руку”, “сына за сына”, “раба за раба”. Вообще же чтение всех 282 статей судебного кодекса показывает, что лейтмотивом его была защита традиционных прав и имущества собственного, т. е. вавилонского, населения – особенно в тех случаях, когда вавилонянин или его имущество оказывались под угрозой. Попавшего в плен воина следовало выкупить, а если для этого не хватало средств, необходимую сумму должен был дать храм его поселка либо дворцовое хозяйство, т. е. казна. Если пленник стал рабом, то после его выкупа он возвращался домой. Вообще все свое, вавилонское, население и особенно полноправные обеспечивались максимальной поддержкой закона, бывшего как бы гарантом неприкосновенности их личности и имущества перед натиском со стороны врагов – от неприятеля, могущего взять их в плен и продать в рабство, до собственника, выступавшего в роли ростовщика, хозяина, нанимателя, арендодателя.

Что касается мушкенумов, то они имели меньшую правоспособность не потому, что были более эксплуатируемым слоем населения. Очень похоже на то, что в этом смысле они были наравне с полноправными, а в административном плане часто стояли выше их. Разница между мушкенумом и полноправным общинником была в том, что царские люди чаще всего не имели корней в общинах Вавилонии и в силу этого не могли считаться полноправными. Что касается рабов, то многое в судьбе их и их потомков зависело, видимо, от случая; есть основания считать, что в рабы-чужаки достаточно быстро могли приобрести статус мушкенума, особенно если их сажали на храмовые земли. Рабы, оказавшиеся во владении общинных групп, обычно включались в состав семьи на правах

ее младших членов со всеми вытекавшими из этого следствиями. Иными словами, во втором поколении рабы, как правило, рабами быть переставали. Это была, таким образом, как бы временная категория, переходная (напомню, что речь идет о рабах-иноплеменниках, рабах-пленниках, рабах-чужаках, и только о них, – о долговых рабах речь только что шла особо).

* * *

Подводя итоги, обратим еще раз внимание на динамику исторического развития ранних очагов урбанистической цивилизации в ее шумеро-вавилонском варианте. Сначала возникает группа соседних и параллельно развивающихся шумерских протогосударств с весьма характерной для них храмовой формой администрации.

Административно-политическая структура такого типа благоприятна для формирования стабильно и эффективно функционирующего механизма редиистрибуции: параллельно с налогами от общин казна приобретает и закрепляет за собой храмовые земли и все доходы от них. Увеличение количества храмовых и, позже, царско-храмовых земель в рамках укрупненных государств Саргона или правителей третьей династии Ура создает условия для упрочения сильной централизованной власти, причем этому же способствуют процесс приватизации и появление в рамках социума немалого количества безземельных вчерашних общинников, вынужденных арендовать храмовые и царские земли. Обилие неполноправных арендаторов на царско-храмовых землях времен третьей династии Ура привело к возникновению здесь системы псевдолатифундий с массовым использованием лишенных собственности и находившихся под жестким контролем администрации невольников, о статусе и образе жизни которых свидетельствуют массовые документы хозяйственной отчетности, создающие впечатляющую картину коммунистической казармы.

Неэффективность казарменного коммунизма в форме труда подневольных на псевдолатифундиях выявилась достаточно быстро, так что в Вавилонии времен Хаммурапи от этой формы хозяйства отказались, раздав царско-храмовые земли служащим в качестве платы кормления, и всем остальным, включая неполноправных мушкенумов, в виде аренды. Общинники, сохранившие земли, по-прежнему платили налоги в казну. Возникшие частные собственники тоже их платили, но статус частнособственнических земель выгодно отличался от статуса земель общинных тем, что их можно было продать беспрепятственно, – обстоятельство, которым порой не брезговали и правители, покупавшие в собственное пользование те или иные поля из частнособственнического клина земель.

Шумеры и вавилоняне были первыми, кто шел по пути становления государственности, так что их вариант политогенеза и развития форм хозяйства и форм собственности заслуживает особого внимания. Он во многих отношениях был эталонным для тех, кто шел вслед за ними, хотя, разумеется, существовали и иные варианты, о которых речь пойдет ниже. Но прежде чем закончить изложение материалов и выводов, касающихся этого варианта, стоит хотя бы вкратце упомянуть о том вкладе, который внесли жители

древнего Двуречья в мировую культуру.

Это, во-первых, шумерское иероглифическое письмо, достаточно быстро трансформировавшееся в массовой документации царско-храмовых хозяйств в упрощенную клинопись, что впоследствии сыграло решающую роль в возникновении алфавитной системы. Во-вторых, это постоянно развивавшаяся усилиями жрецов система календарного счисления, тесно связанного с астрономическими наблюдениями, а также элементарная математика. Тот алфавит, те сведения о календаре и звездном небе с его знаками зодиака, та десятичная система счета, которыми мы пользуемся и сегодня, восходят именно к древнему Двуречью. Религиозные представления с множеством богов и храмов в их честь, интереснейшие мифы с описанием жизни, приключений и походов богов и героев, наиболее знаменитым среди которых считался Гильгамеш, развитое изобразительное искусство, особенно каменные рельефы и барельефы, культура архивного дела, первые в истории географические карты и путеводители – вот далеко не полный перечень того, что осталось в памяти потомков и внесло свой вклад в развитие мировой культуры.